

Риторика — форма существования слабой власти

Зачем современной политической элите потребовался новояз

Новояз — вымышленный язык из романа-антиутопии Джорджа Оруэлла «1984». Его цель — сделать невозможным «мыслепреступление»: «Слово свободный в новоязе осталось, но его можно было использовать лишь в таких высказываниях, как свободные сапоги, туалет свободен. Оно не употреблялось в старом значении политически свободный, интеллектуально свободный, поскольку свобода мысли и политическая свобода не существовали даже как понятия, а следовательно, не требовали обозначений».

На этом языке говорили Третий рейх и Советский Союз. Но ошибочно думать, что с их развалом исчез и новояз. Послушайте воскресные выпуски программы «Время»... Многие филологи полагают: пора говорить о новом новоязе. Один из них — Михаил Горбаневский, публицист, доктор филологических наук, профессор, академик РАН.

— В середине 80-х мы проводили курсы русского языка для бельгийцев. Было любопытно наблюдать за тем, как они выстраивали контакт внутри своей группы: отношения бельгийцев-фламандцев с бельгийцами-валлонами — очень непростые и противоречивые. И я тогда для себя вывел одну формулу, она звучит пафосно, но с научной точки зрения точна: от знания — к пониманию, от понимания — к доверию. Я представлял себе эту формулу не в прямом смысле, а аксиологическом, имея в виду систему ценностей. И тут встает вопрос. А какому типу общества помогает функционировать эта формула? Конечно, демократическому. Не обязательно построенному только на либеральных ценностях (социально-экономическая база может быть и другой), но в общем-то — демократическому.

И наоборот: эта схема опасна и никак не подходит для авторитарного общества, потому что прямо противоречит тем задачам, которые ставят перед собой и авторитарная власть, и тоталитарная.

В триаде: государство — общество — человек взаимопонимание не требуется, если существует то, что называется вертикалью власти (кстати, типичный пример новояза). Если государство перестает обслуживать общество, то и схема их отношений становится принципиально другой. Я для себя эту формулу определил так: страх — непонимание — презрение.

Страх перед возможными социальными бунтами. Непонимание: они — власть и народ — живут в параллельных мирах. И если бы власть с меньшим презрением относилась к своему народу, она, наверное, совсем по-другому ездил бы по Москве.

— И, соответственно, совсем по-другому разговаривала бы с народом...

— Конечно. Но стоит отличать новояз от политического жаргона. Жаргонизм — это неофициальное слово, существующее, как правило, в устной речи. Человеку, который принадлежит к социальной, возрастной, профессиональной группе, свойственно подавать

через язык сигнал: «я — свой».

Другое дело, когда в политический жаргон наших ньюсмейкеров во время публичных выступлений проникают слова из криминального арго. Это очень опасно. С этими словами в подсознание проникает система ценностей: наезд, разборка, крыша...

— **Но как отличить политический жаргон от новояза?**

— Для людей, которые помнят советскую эпоху, это легко. Они понимают, что новояз — это система зомбирования. Это подмена. Жаргон — это просто замена официального слова тем, которое принято в этой социальной, возрастной или профессиональной среде, без всякого на то идеологического умысла.

Новояз — это инструмент. Жаргонизмы, как правило, возникают спонтанно: никто не сидит, придумывая их, не помещает специально в тексты, чтобы скрыть за ними правду. Почему Оруэлл создал в своем романе Министерство правды? Потому что более саркастически не скажешь, потому что новоязом эта правда и скрывается.

— **Например?**

— Например, отсутствие демократии успешно скрывается в речи прилагательным суверенная в словосочетании суверенная демократия. Разновидность смеси коррупции, преступного нарушения законов и самоуправства, когда чиновники используют служебное положение, чтобы повлиять на исход выборов, откровенно манипулятивно именуется вполне благопристойным административным ресурсом. Новое, активно насаждаемое сверху словосочетание энергетическая сверхдержава в переводе с новояза означает всего лишь закрепление за Россией роли поставщика ресурсов в более развитые страны. Элементарное казнокрадство именуется ныне нецелевым расходованием бюджетных средств, а определение самими элитами и кланами (то есть вовсе не в результате свободных выборов), кому быть депутатом, на новоязе называется партией власти.

Сюда же, к этой разновидности новоязовской лексики XXI века объективные наблюдатели относят слово дефолт, скрывающее за внешним наукообразием и благопристойностью не что иное, как ситуацию, когда государство платит долги деньгами своих граждан, и — известное с первой чеченской войны жуткое по привкусу крови и смерти слово зачистка.

Когда не хватало бюджетных средств для покрытия расходов, появился секвестр. Когда государство влезало в долги, не выплачивая зарплаты, пенсии и пособия, появилась реструктуризация. Когда весьма сомнительными способами крали деньги, уходя от налогов, миру явилась оптимизация налоговых платежей.

И одной из вершин нового новояза можно считать то, как на фоне общей экономической импотенции власти нищенские доплаты бюджетникам, вынужденное оснащение техникой единичных школ и больниц и предоставление квартир небольшому числу очередников превратились в пресловутые национальные проекты.

То есть власть красивой оберткой скрывает реальное положение вещей. И, заметьте, уже многие на голубом глазу начинают использовать эти термины как официальные, которые, подчеркиваю, извиняют и оправдывают неумелые действия властей.

То есть мало того, что зачищены СМИ, судебные и правоохранительные органы, власть еще и приучает население считать эти деяния не преступными — на уровне безусловного рефлекса. Получается какая-то ложная толерантность, снисходительность, прощающая фактические преступления.

Российский новояз псевдотолерантен не по форме, а по своей задаче. Одна из его задач — снять социальную напряженность, дезориентировать человека. Никто ведь не собирается объяснять народу, что мы строим. Казалось бы, чего проще: соберите специалистов и пусть они придумают 5—6 ключевых слов, определяющих нашу национальную идею: трудолюбие, добро, справедливость, да что угодно! Но нет же — нам нужна целая доктрина. А как ее выдумать, когда страна жила и живет в эпоху «большого хапка»? Однако люди все равно хотят понимать, в каком обществе они живут. А вместо этого им

подсовывают псевдодоктрину суверенной демократии. Да они — эти два слова — не монтируются с точки зрения элементарной терминологической логики! Демократия по определению не может быть суверенной. Я читал брошюру Суркова «Суверенная демократия». Восхищен: это — образчик новояза!

— **Для каких категорий населения наиболее опасно это явление?**

— Для всех. Но прежде всего для молодежи. Молодежь проще всего обдурить хорошим лозунгом. Битому старику этого уже не навяжешь. А вот якеменковским юнцам — легко. Их же этим речовкам специально на Селигере и обучают. Я слушал пару записей этих лекций — просто классика зомбирования! Причем людям, которые этим занимаются, на всякие там партии наплевать. Их система ценностей сводится к принципу: деньги и власть.

— **У Бенедикта Сарнова в его маленькой энциклопедии реального социализма «Наш советский новояз» большое внимание уделяется противоядию, которым пользовался советский народ против партийного зомбирования. Это анекдоты, частушки, байки... Сейчас методы борьбы изменились?**

— Нашему народу надо отдать должное: у нас еще со времен Древней Руси сильны традиции скоморошеской, лубочной культуры. Мы умеем смеяться. Если человек начинает зло смеяться над властью, власти стоит очень сильно задуматься. Возьмите для примера те лозунги, которые несли демонстранты во Владивостоке. Вот слова «Путлер капут!» сейчас анализируются с точки зрения Уголовного кодекса. У меня это вызывает только смех: дело закончится очередной пустышкой.

Или известная история с ивановским журналистом Сергеем Рахманьковым, который по своему отреагировал на призыв Владимира Владимировича к женщинам активнее решать проблему демографического роста. Рахманьков в своем интернет-проекте ернически написал, что обитатели ивановского зоопарка откликнулись на призыв и начали активно рожать. Озаглавил заметку: «Путин как фаллический символ России». Местные правоохранители быстренько возбудили уголовное дело по статье «Оскорбление представителя власти». Они обращались за разъяснениями к экспертам, в том числе и ко мне: мол, как бы так сделать, чтобы ученые доказали, что словосочетание фаллический символ оскорбляет президента. Я терпеливо им объяснил их неправоту. Хотя, в конце концов, одна ивановская дама-эксперт написала некое «заключение», в котором договорилась до того, что фраза Путин — фаллический символ России оскорбляет чувства православных верующих. Но в итоге дело закончилось пшиком. Потому что это оправданная реакция народа (пусть и в немного юродивом стиле) на очередные агитки и оболванивание.

— **Вы думаете, российский новояз кем-то сознательно придумывается?**

— Мне не кажется, что кто-то сидит на госдачах и придумывает язык. Хотя в рамках локальных кампаний опорные словосочетания вбрасываются.

— **Как это, например, было во время войны с Грузией...**

— Безусловно. Над этим, наверное, думали лучшие умы. Сначала было принуждение, а потом быстренько поняли, что это слово с негативной коннотацией, и заменили понуждением к миру. Так более мягко. Это классический пример новояза и того, как пришлось редактировать на ходу.

— **Если сравнивать советский и российский новоязы, вам не кажется, что первый был декларативный, а второй — эвфемистичный?**

— Согласен на 50 процентов. Здесь стоит сказать вот еще о чем. Власть сейчас риторична. А риторика — это форма существования слабой власти. Советская власть была предельно жесткой. Сегодня же ее жесткость проявляется в локальных противостояниях в Пушкинском сквере и в басманном правосудии. Вот вам пример. Центральная власть назначает главного налогового инспектора суверенной Республики Дагестан, и этого московского назначенца полукриминальные господствующие элементы выволакивают в чисто поле и говорят: «Ты в свой кабинет не возвращайся, а то — грохнем». В СССР

подобное было невозможно: всех бы тихо пересажали по казематам или спецпсихбольницам.

— **Получается, новоязовская вертикаль власти — это обманка и для самой власти...**

— Правильно — это фиговый листок. Советскому новоязу в условиях жесткой партийной власти была присуща лозунговость, безапелляционность. Новояз путинской эпохи больше прибегает к эвфемизмам как к маскировке. Правда, некоторые политики или особо приближенные общественные деятели пытаются иногда навязывать нам крикливые лозунги. Вот небольшая выборка.

Любовь Слиски: «Путин — это наше все». Михаил Прусак, бывший губернатор Новгородской области: «Просто замечательно, что Владимир Путин сказал о книгах. Это действительно наше духовное богатство». Федор Бондарчук без всякой иронии: «Все успехи в кинематографе были связаны с Владимиром Путиным». Александр Дугин, лидер евразийского движения: «Противников путинского курса больше нет, а если и есть, то это психически больные, и их нужно отправить на диспансеризацию. Путин — везде, Путин — все, Путин — абсолютен, Путин — незаменим».

Знаете, у меня складывается такое ощущение, что Владимиру Владимировичу это начинает нравиться. Я наблюдал за ним по телевизору на съезде «Единой России», и другому человеку, может, стало бы стыдно от таких дифирамбов, а ему нет — нормально... И, наконец, процитирую Рамзана Кадырова: «Путин подарил чеченскому народу жизнь вторую! Аллах его назначил на это место. Путин — дар божий, он подарил нам свободу. Такой человек — находка для России. Пока у него есть здоровье, мы должны его просить, встать на колени, чтобы он правил государством». В новоязе эпохи Путина могут встречаться такие вкрапления феодальной риторики.

И, кстати, новый новояз связан и с другой темой, которой я 30 лет занимаюсь, — географическими названиями. И в страшном сне нельзя было придумать, чтобы проспект Победы в Грозном, названный так в 1955 году в честь победы над фашизмом, переименовать в «Прспект имени В.В. Путина». Это топонимический новояз, традиция которого берет начало еще с советских времен. У нас в СССР было, например, более 130 населенных пунктов, названных в честь Кирова. Это — типичная большевистская модель...

О! Вот в чем еще отличие советского новояза. В его сакральности! Бердяев писал, что большевизм — это эрзац-религия. Вот путинизм — это не эрзац-религия, это, похоже, некий инструмент для содействия зарабатыванию денег. Среди большевиков были фанатики, а нынешние верят только в золотого тельца.

Большевикам же было важно сакрализовать своих героев. Ленин понимал, что одними концлагерями ничего не исправить, нужно было ломать и психологию. Нужна была подмена. В сознание масс и была внедрена схема: вместо поклонения святым мощам — вот вам мощи, которые до сих пор лежат на Красной площади; вместо икон — пожалуйста, портреты вождей; вместо крестных ходов — манифестации; вместо литургии и псалмов — партсобрание и «Интернационал». Большевики поступили очень хитро: сакрализовали свои лозунги.

И в этом, пожалуй, главное отличие двух новоязов: понятия, которые внедряет путинская власть, — эвфемистичны, а не сакральны.

— **Советскому новоязу также была свойственна аббревиация...**

— Я бы не сказал, что это явление полностью исчезло. Я недавно столкнулся с такими аббревиатурами, которые меня хлестанули еще сильнее, чем советские. Вот, например, теперь нет просто уважаемого лингвистического университета им. Добролюбова: в официальной бумаге он будет именоваться ГОУ ВПО и дальше в кавычках «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Добролюбова». Хотя аббревиатуры не стоит сильно ругать. Язык как коммуникативная система стремится к экономии. Просто нужно уметь различать, где аббревиация служит для экономии языка, а где его — бюрократизирует. Причем я замечу, что аббревиатуры — это скорее не

новоязовское явление: они существуют вне зависимости от идейных установок и задач.
— Английский публицист **Бернард Левин** писал: «Мы меняем имена того, что нам не нравится. Тем самым пытаемся убедить себя, что мы изменили сами явления. Но ни один человек не может изменить реальность, манипулируя словами. Почему же мы это делаем? Потому что реальность часто болезненна». Так, может, новояз не так и опасен, раз явления остаются неизменными?

— Я вам отвечу на это другой цитатой. У Максимилиана Волошина есть такие строчки в послереволюционной поэме «Россия»:

*Все имена сменились на Руси
(Политика — расклейка этикеток,
Назначенных, чтоб утаить состав),
Но выверты мышления всё те же...*

Я думаю, что эта цитата спорит с воспроизведенной вами. Другое дело, что задачи тех вождей, которые вели нас к светлому будущему, и нынешних, которые ведут нас к своему светлому будущему, изменились. Так что, конечно, новояз опасен. Разве ложь не опасна? Ведь эвфемизмы — это камуфляж, оболванивающий народ. Это язык, выражающий отношение властей к народу, которое зиждется, как мы определили, на трех краеугольных камнях: страхе — непонимании — презрении.

*[Роман Анин](http://www.novayagazeta.ru/data/2009/062/24.html)
"НОВАЯ ГАЗЕТА", 15 июня 2009 г., №62
<http://www.novayagazeta.ru/data/2009/062/24.html>*